

«Голландские завтраки» - искусство натюрморта

Привычное нам обозначение жанра живописи, запечатлевающего предметы обихода, цветы и плоды, – французское слово "натюрморт", дословно переводящееся как "мертвая природа". Однако в Голландии XVII века, где расцвело искусство создания натюрмортов, впоследствии ставших классикой, их называли "stilleven", что значит "тихая, неподвижная жизнь". Вглядываясь в запечатленные на полотнах опрокинутые бокалы, смятые складки скатерти, чуть наклонившееся блюдо, невольно возникает предположение, что эти предметы лишь притворяются недвижимыми, скрывая за своей внешней невозмутимостью бурную историю, возможно, полную драматизма. Каждый элемент композиции существует не изолированно, но в сложном переплетении с другими, образуя единое гармоничное целое. Именно это мастерство объединения отдельных деталей в совершенную симфонию форм и смыслов позволяет голландским натюрмортам и по сей день восхищать ценителей живописи и служить ценным пособием для художников.

AXELART.RU PAINTING WORKSHOP

Жители Голландии отличались зажиточностью, но не склонны были к показной роскоши и расточительности. Это наложило неизгладимый отпечаток на голландское искусство XVII века. Бюргеры с удовольствием приобретали произведения живописи. Но в стране, где протестантизм стал доминирующей религией, не было спроса на огромные полотна на религиозные или мифологические темы. Портреты, конечно, пользовались популярностью. Но особенно востребованными оказались жанры, получившие особенное развитие именно в Голландии: утонченные пейзажи и изысканные натюрморты, идеально вписывающиеся в уютные интерьеры голландских домов.

Истоки голландского натюрморта уходят вглубь времен, в эпоху Северного Возрождения Нидерландов XV–XVI веков. Уже тогда художники проявляли необыкновенный интерес к окружающему миру, обладая уникальной способностью передавать красоту мельчайших деталей. Вспомним, как на картине Яна ван Эйка «Мадонна канцлера Роллена» взгляд невольно задерживается не столько на лицах, сколько на роскошном, расшитом платье, нежных цветах, золотом венце и изысканных архитектурных деталях. В ту эпоху предметы наделялись глубоким символическим смыслом, понятным каждому христианину: лилии олицетворяли чистоту, а сороки – болтливость.

Голландским мастерам было на кого равняться. Однако у ван Эйка во главе угла стояло изображение человека. Но сможет ли изображение вещей само по себе пленить зрителя?

В картине Питера Артсена (1508–1575) «Христос в доме Марфы и Марии» евангельский сюжет словно отступает на второй план, уступая место натюрморту: на переднем плане — стол, ломящийся от яств, цветы в вазе и овощи, рассыпанные в корзине. А в полотне Иохима Бейкелара (1530–1573) «Рынок мяса и птицы со сценой возвращения блудного сына на заднем плане» обилие природных даров настолько велико, что сцена с блудным сыном едва различима. Так предметы начали выходить на первый план в живописи.

Голландцы по праву гордились несметными богатствами и изобилием своей страны, однако напыщенное изображение гор снеди не было им свойственно. Голландия являла собой нечто большее, нежели просто край торговцев и мореходов. Здесь пышно цвели науки. Левенгук уже заглядывал в микромир, рассматривая сквозь линзы своего изобретения инфузорий, а Иоганн Сваммердам закладывал фундамент классификации насекомых. Ученые, повинувшись необходимости, тщательно зарисовывали свои открытия – ведь эра фотографии еще не наступила. Художников же дивные проявления живой природы вдохновляли на создание подлинных шедевров.

Бальтазар ван дер Аст

Одним из таких мастеров был Бальтазар ван дер Аст (1593–1657), чья кисть увековечила цветы, фрукты, насекомых, земноводных, птиц и диковинные раковины.

Ван дер Аст, словно алхимик, вываривает из чистых красок яркие, ликующие полотна – редкостный пир для глаз в сдержанной палитре голландской живописи. Пышные тюльпаны, налитые соком яблоки и причудливые раковины диковинно соседствуют у него с ползучим миром: жуками, гусеницами, пауками, выписанными с той же скрупулезной любовью, что и экзотические фрукты, и трепетные лепестки цветов.

Ван дер Аст населял свои полотна кишасим роем ползающих и летающих созданий. Казалось, неутолимая жажда познания и отображения всего многообразия природы гнала его кисть, не давая остановиться.

Питер Клас

Голландский stilleven – явление многогранное. В творчестве Питера Класа, современника Бальтазара ван дер Аста, мы видим стремление к лаконизму: минимум предметов, сдержанная палитра. Именно он считается одним из столпов тонального, почти монохромного натюрморта, художником, с которого берет начало золотой век голландского натюрморта. О жизни Класа известно немного. В 1620 году он вступил в антверпенскую Гильдию святого Луки, что означало признание его мастерства и право на собственную мастерскую. Год спустя Клас переехал в процветающий и быстрорастущий Харлем, где вскоре женился. Атмосфера города во многом была пропитана духом протестантизма, с его культом простоты и трудолюбия.

Преуспевающие горожане охотно приобретали произведения живописи, привлекая в Харлем талантливых художников. В XVII веке здесь творили Ян Стен, запечатлевавший сцены повседневной жизни, Якоб ван Рёйсдал, воспевавший суровую красоту пейзажей, Франс Халс, создававший портреты энергичных и волевых горожан. На полотнах Халса редко встретишь буйство красок; его персонажи чаще облачены в строгие черные камзолы. Однако, как заметил позднее Ван Гог, Халс владел, по меньшей мере, двадцатью семью оттенками черного.

Питер Клас также был виртуозом полутонов. Его натюрморты, кажущиеся почти монохромными, поражают своим благородством, тонким чувством неброской красоты окружающих предметов, умением раскрыть их уникальность. Клас стал одним из первых, кто разработал два новых жанра натюрморта: "завтраки" и "ванитас".

«Завтраки» Класа на первый взгляд могут показаться однообразными. На полотнах предстают одни и те же скромные предметы: простой керамический кувшин, нож с витиеватой рукояткой, оловянные блюда, белая, слегка помятая скатерть. Неизменный атрибут – массивный бокал на толстой ножке, ремер, пользовавшийся большой популярностью в Голландии. Считалось, что название это произошло от слова «римский», поскольку именно такими представляли себе античные кубки.

Кажется, художник каждый раз доставал все эти предметы из собственного буфета, создавая все новые и новые композиции. Еда тоже незамысловата: рыба, хлеб, ветчина, лимон, орехи, немного фруктов. Но, тем не менее, от этих небольших картин в серо-охристых тонах невозможно отвести взгляд. Клас раз за разом открывает нам очарование обыденности, повседневной жизни, которую мы часто не замечаем.

В работах Класа не встретишь ни единой живой души, однако предметы здесь словно хранят тепло его присутствия, отпечаток личности хозяина, прервавшего свой завтрак ради неотложных дел. Чувствуется его умение находить наслаждение в простых радостях, его чуждость блеску и суете. Потому натюрморты Класа – не просто изображения, а своего рода философия жизни, облеченная в тихую поэзию обыденности.

И во всей этой кажущейся незамысловатости, говорят, таится некое символическое зерно. Взгляните на его «Натюрморт с трубками и жаровней»: трубки, напоенные запахом табака, тлеющие угли в жаровне, стакан, хранящий послекусие пива, – запечатленный миг мужской жизни. Картина дышит атмосферой подлинности и уюта, словно приглашая зрителя разделить эту тихую радость.

Мудрецы шепчут, что в скромном натюрморте Клас зашифровал вечные стихии: земля – в глиняном кувшине, огонь – в мерцании жаровни, вода – в янтарном пиве, а воздух – в дымном облаке табака, вьющемся от трубки. И даже пивная пена, мимолетная и эфемерная, могла нашептывать о бренности бытия. Неужели художник предвидел эту философскую глубину? Как ни странно, возможно, и предвидел.

Строгий протестантизм отвергал живопись в храмах, но тем ярче расцветало искусство в светских полотнах, несущих в себе воспитательный заряд. Кальвин, суровый лидер протестантов, требовал, чтобы каждое изображение несло моральный урок. Так, обыденные предметы обретали символическую глубину, понятную каждому зрителю XVII века.

Хлеб и вино, незримо присутствующие почти в каждом натюрморте, отсылают к таинству причастия, воплощая тело и кровь Христа. Рыба – древний символ Спасителя. Стекланные рюмки звенят хрупкостью жизни, а устрицы и ветчина предостерегают от излишеств и чревоугодия. Но трудно поверить, что, создавая эти великолепные, жизнеутверждающие композиции, полные красоты и соблазнительных яств, Клас неустанно размышлял о жизненной тщете, смерти и добродетели. Возможно, изначально натюрморт и задумывался как назидание, как воспитание благочестивого христианина, но гений художника преобразил дидактические полотна в гимн радости существования.

Впрочем, именно Клас первым дерзнул создать новый жанр натюрморта, проникнутый духом назидания – «ванитас» – «суета сует». Здесь уже во весь голос звучит «Memento mori» – «помни о смерти». В центре композиции неизменно водружен череп, как безмолвное напоминание о недолговечности земной жизни и необходимости заботиться о спасении души.

Часы, отсчитывающие неумолимое время, догорающие свечи, источающие печальный свет, – все дышит бренностью. Морские раковины, хранящие в себе эхо ушедших волн, увядающие цветы, теряющие свою красоту, перезрелые фрукты, источающие пьянящий аромат разложения, – все намекает на краткость земного бытия. Порой Клас изображает свой любимый ремер, но он пуст и опрокинут, словно жизнь, выпитая до дна. Особенно мрачен его "ванитас", где в центре – скрипка, почти заслоняющая череп. А сбоку, в стеклянном шаре, отражается призрачная фигура, тайна которой не разгадана до сих пор.

Картина называется «Натюрморт Vanitas с автопортретом» (1628). Как мимолетно и искусно можно запечатлеть себя в безмолвном разговоре вещей.

Виллем Клас Хеда

Приблизительно в тот же период, в уютном Харлеме, жил Виллем Клас Хеда (1593 — 1682), чье имя навеки связано с созданием аристократического натюрморта. Он также был мастером "завтраков", тех самых "ontbijtjes", которые голландцы умели превращать в искусство.

Хеда, казалось бы, писал те же предметы, что и Клас. Но в его мире скатерть струится шелком, кубки звенят венецианским стеклом, посуда мерцает серебром, а раковины переливаются перламутром. И всё же, здесь царит та же благородная сдержанность, монохромность, тончайшая игра оттенков. Шепчут, что Хеда испытал влияние Класа, хотя это и кажется парадоксальным, ведь последний был моложе его на несколько лет.

О жизни Виллема Класа Хеды известно немного. Отец был архитектором, и есть основания полагать, что именно он и стал первым наставником сына в живописи. Затем, как водится: женитьба, вступление в гильдию святого Луки, рождение детей. Предание гласит, что поначалу он пробовал себя в портретах и картинах на исторические сюжеты, и лишь потом нашел свое истинное призвание в натюрмортах. У него была большая мастерская, где трудился и его сын, Геррит Виллемс Хеда, который также писал "завтраки", настолько схожие с работами отца, что лишь искушенный глаз мог различить их. В Эрмитаже, к примеру, можно полюбоваться «Завтраком с омаром» кисти Хеды.

Взгляд приковывает мерцающий металлический кувшин или кофейник с витиеватой ручкой, игра света на гранях стекла. На фоне приглушенной симфонии серо-зеленых оттенков — дерзкий дуэт акцентов: алый омар, покоящийся на блюде, и жизнерадостная спираль лимонной цедры. Лимон, этот коварный фрукт, шепчет о лицемерии и предательстве, скрывая кислую сущность под маской солнечного оптимизма. Но без этого яркого обманщика натюрморт утратил бы свою притягательную меланхолию.

Откуда берется эта страсть художников XVII века к изображению окороков, лоснящихся пирогов, надменных лобстеров и опрокинутых кубков? Да, требования религиозных деятелей, этот своеобразный "светский иконостас". Но только ли это? Не стоит забывать о беспокойном времени: всего за два десятилетия до рождения Хеды испанцы обрушили свой гнев на Харлем, учинив жестокую расправу. Этот город, эпицентр тюльпанной лихорадки, в 30-е годы XVII века стал могилой для тысяч состояний. И все же, неукротимые жители Харлема продолжали расширять свои владения, завоевывая новые колонии. Не случайно, афроамериканский квартал Нью-Йорка носит имя Гарлем – ведь изначально это место на берегу Гудзона было голландским Новым Амстердамом.

Возможно, именно бурные события XVI-XVII веков породили в людях тоску по незыблемому, по вечному. Не зря рождалась поговорка: «Мой дом – моя крепость», а Генри Уоттон определял дом как «театр гостеприимства, место для самосовершенствования, источник комфорта в частной жизни. Дом – это своего рода отдельное княжество». "Завтраки" Хеды и Класа – это гимн ценности домашнего очага и личного пространства.

И всё же, пристально всматриваясь в их натюрморты, начинаешь ощущать смутное беспокойство, вызванное нарочитой небрежностью, этим художественным хаосом. Не кроется ли за этой внешней красотой, напротив, предчувствие неблагополучия, зыбкости в кажущемся «тихом мире вещей»?

Говорили, что натюрморт требовал неукоснительного соблюдения канонов, предписывающих горизонтальную ориентацию композиции. Однако Виллем Клас Хеда, начиная с 1640-х годов, дерзнул создавать и вертикальные полотна, бросая вызов устоявшимся правилам.

И вот перед нами разворачивается феерия роскоши: предметы становятся все изысканнее, затейливее, а художник с виртуозным мастерством воссоздает замысловатые узоры, украшающие блюда и кубки, словно запечатлевая мимолетную игру света на их гранях.

Виллем Кальф

Виллем Кальф (1619-1693) родился в Роттердаме, в семье зажиточного торговца тканями. Однако, когда мальчику исполнилось шесть лет, отец скончался, и мать не смогла удержать семейное дело. Виллему, как и его братьям, пришлось рано задуматься о будущем. Предание гласит, что живопись увлекала его с самого детства, и он с готовностью поступил в ученики к Францу Рейкхалсу (1600–1647), мастеру популярного тогда «кухонного натюрморта».

Но вернемся к Кальфу. После смерти матери он в 1640 году переехал в Париж, где быстро завоевал известность и признание, создавая интерьеры крестьянских домов. Эти работы пользовались спросом и приносили стабильный доход. Однако параллельно Кальф все больше внимания уделял красочным натюрмортам, изображавшим богатую посуду, дорогое оружие и изысканные ткани. Тем самым он развивал оба направления, намеченные его учителем.

Стоит отметить, что скромность и аскетизм начали утомлять голландских бюргеров. Тем более что Голландия богатела, и ее торговцы привозили восточные ковры, китайский фарфор, заморские фрукты и прочие дорогие диковины. Вернувшись в 1646 году в Голландию, Кальф начал создавать натюрморты, запечатлевавшие всю эту роскошь, – так называемые «pronckstilleven». С 1653 года его семья поселилась в Амстердаме, где он смог близко познакомиться с творческой манерой Рембрандта. В результате в его натюрмортах появляется игра света и тени, сочность красок, глубина тона и золотистый рембрандтовский колорит.

До наших дней дошло лишь около полутора сотен работ Виллема Кальфа. Не каждому художнику улыбается столь щедрая фортуна. Кальф, пожалуй, был одним из немногих избранников судьбы. Востребованный и почитаемый, он получал за свои полотна немалые деньги – поговаривают, до сорока гульденов, что по тем временам составляло целое состояние. Сам глубоко образованный человек, он связал свою жизнь с Корнелией Плувье – женщиной поистине неординарной: муза и вдохновение, она писала стихи, славилась изящным каллиграфическим почерком и прослыла тонким ценителем музыки и театра в Амстердаме. И, словно в подтверждение его удачливости, стала не только верной спутницей жизни, но и матерью его четверых детей.

Рыбные, «охотничьи», «философские», цветочные... Разнообразие голландского натюрморта поражает воображение.

В Гааге, городе, чьи улицы омывает Северное море, процветал жанр «рыбного натюрморта». С одной стороны, это дань уважения водной стихии, столь значимой для голландских мореплавателей, воплощенная в символике натюрморта. С другой — разве можно удержаться от хвастовства богатым уловом? Неудивительно, что рыбные натюрморты украшали столовые зажиточных горожан. Питер де Пюттер (1600—1659) и его ученик Абрахам ван Бейерен (1620/1621 — 1690) стали непревзойденными мастерами этого вида живописи.

Казалось бы, что может быть радостного в изображении тусклой плоти морских и речных обитателей? Но нет, эти художники умели передавать бесконечную гамму серых и золотистых оттенков, превращая обыденность в завораживающее зрелище. Голландские мастера, скрупулезно изучавшие природу, рисовали рыб и моллюсков с такой достоверностью, что не составляло труда определить каждый вид. Порой, желая добавить картине живости, они изображали кошку, лакомящуюся рыбкой. Прекрасные рыбные натюрморты писала и художница Клара Петерс (1594—1657), работавшая во Фландрии и Голландии. Женщины начали теснить мужчин, доказывая свое право на славу в живописи.

В Лейдене, городе, где расположен знаменитый университет, были популярны «ученые» или «философские» натюрморты. Они во многом перекликались с *vanitas*: те же черепа, но мысль в них звучала скорее как научное размышление, а не религиозная проповедь. У Эверта Кольера череп едва различим, зато на переднем плане — книги, ноты и глобус, символы знания и познания.

А были еще «охотничьи» натюрморты — со всякой дичью. Интересно, это опять размышления о бренности всего сущего или просто желание похвастаться трофеями?

Ян ван Хейсум, Ян Давидс де Хем

Удалившись от строгой простоты колорита и предметного мира, голландский натюрморт постепенно утрачивал первоначальную ценность, хотя роскошные букеты, созданные мастерами, пользовались неизменным успехом вплоть до середины XVIII века.

Среди плеяды живописцев, воспевавших красоту цветов, особо выделяется Ян Давидс де Хем (1606–1684). Жизнь его протекала между Голландией и Фландрией, и в его полотнах дивным образом сочетались голландская тщательность и скрупулезная правдивость с пышностью и exuberance фламандской школы. Любопытно, что даже в этом растительном буйстве проскальзывает тень Memento Mori – едва различимый череп, затерянный среди лепестков.

Дольше всех сохранили любовь публики фруктовые натюрморты и цветочные букеты последнего великого мастера голландского натюрморта, Яна ван Хейсума (1682–1749). Его работы быстро обрели известность далеко за пределами Голландии, став желанным украшением коллекций правящих королевских домов Европы. О высочайшей оценке его таланта свидетельствует следующий факт: вскоре после смерти художника его цветочный букет был продан на аукционе за 1245 флоринов, в то время как за «Голову старика» Рембрандта заплатили всего 25 флоринов. Поговаривали, что Хейсум был ревностным хранителем секретов мастерства и не имел учеников, дабы никто не посягнул на его художественные тайны.

Сохранились свидетельства, что Хейсум с кропотливой тщательностью прорабатывал каждый цветок, порой возвращаясь к работе над картиной на протяжении многих лет. Летом он часто посещал Харлем, признанный центр голландского садоводства, где писал цветы непосредственно с натуры.

Клара Петерс (Питерс)

До сих пор наш рассказ был соткан из имен художников-мужчин. Безусловно, в состоятельных семьях, стремящихся дать дочерям достойное образование, девочкам открывались и азы живописи. Многие из них находили себя в пейзажах и натюрмортах.

Однако в блистающей талантами Голландии, где мужской кисти принадлежало столь многое, женщинам было непросто заявить о себе. Клара Петерс (1594-1657) стала одной из немногих художниц, пробившихся сквозь плотную завесу мужского господства в живописи начала XVII века. Ее жизнь окутана тайной, словно дымкой. Церковные книги говорят о крещении в Антверпене в 1594 году и о замужестве в 1639.

Последний из известных ее натюрмортов датирован 1657 годом, что позволяет предположить этот год, как рубеж ее земного пути. Впрочем, некоторые исследователи ограничивают ее творческий период 1607–1621 годами. Существует предположение, возникшее из-за совпадения инициалов, что часть работ Клары Петерс могла быть приписана Питеру Класу (или наоборот), словно тени, перепутавшиеся в полумраке мастерской. Однако художница не оставила нас без ключа к разгадке своего авторства. Всмотритесь в детали: на лезвии ножа, покоящегося в «Натюрморте с сырами, миндалем и крендельками», проступает ее фамилия. А на крышке кувшина «бартман», затерявшегося за сырной головой, можно, при особой зоркости, разглядеть ее лицо. Подобные, почти ускользающие автопортреты, обнаружены на пяти ее полотнах, словно тихий шепот, доносящийся из глубины веков.

Считается, что Клара Петерс первой раскрыла пленительную красоту рыбных натюрмортов. Она часто писала фрукты, цветы, искусно сервированные столы – ей, женщине, чужда была небрежность в убранстве. Такие натюрморты назывались «banketje» (банкет), приглашая зрителя к созерцанию гармонии и изящества. Любопытно сочетание элементов на ее полотнах: фрукты соседствуют с рыбой, цветы – с печеньем, создавая неповторимую симфонию красок и форм. Полотна Клары Петерс украшают собрания знаменитых музеев, в том числе и Прадо в Мадриде.

Со временем натюрморт утратил былую популярность, уступив место другим жанрам, но тихий голос Клары Петерс по-прежнему звучит в его утонченных образах.

Картина в подарок — это не просто украшение для стены. Это эмоция, застывшая в красках. Это внимание, ставшее материальным. Это память, которая переживет годы. Это возможность сказать без слов то, что сложно выразить.

Мы с радостью поможем вам выбрать идеальную картину, учитывая ваши предпочтения и особенности события. Мы предлагаем индивидуальный подход и бережное отношение к каждому клиенту.

Свяжитесь с нами — и мы поможем сделать ваш подарок незабываемым!

A AXELART.RU
PAINTING
WORKSHOP